

АРТЕМИЙ ХРАМОВ

СТО ЛУЧНОЕ

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

Артемий Храмов
Столичное. До безобразия
неприличное...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31726496
ISBN 9785449069597*

Аннотация

Многие едут в столицу, чтобы ее покорить. Немногим это удастся. В основном столица сама покоряет людей. Сборник «Столичное» – это истории обычных людей, которые приехали в мегаполис и остались в нем навсегда – одни по собственной воле, другие – по воле случая. Некоторые из вошедших в сборник историй – неприличны до безобразия...

Содержание

Понаехали	6
Сквозняк	6
Надо ли	8
АбонентНЕабонент	9
Для храбрости	11
Бжезинка	13
Сиренивова	16
Город-сплин	17
Пролетариат	19
Часть толпы от счастья чуть обомлела	21
Аккорды	23
Драже	25
Размокли бока	26
Пятистопный ямб	27
Сонет итальянский	28
Вам!	29
Автоматически	31
В сети	32
Морнинг	33
Увольнение рифмы	34
На Арбате	35
Кость широкая	37
Написанное в пробке	38

Оправдание	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Столичное
До безобразия
неприличное...**

Артемий Храмов

© Артемий Храмов, 2018

ISBN 978-5-4490-6959-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Понаехали

СКВОЗНЯК

На ветру меж высоток столичных,
На пути у московского трафика,
Не пытаться казаться приличным,
Не боясь, выбиваться из графика.

Жить вопреки всем законам,
Вопреки устоявшимся правилам —
Ночевать под своим же балконом,
Потому что ключи оставила.

Побросать в турникет все жетоны,
Не бояться жить в понедельник.
Здесь таких же, как ты – миллионы,
Просто трутни в большом муравейнике.

У входа в метро, как на паперти,
Из вагонов все врассыпную.
Все лишились давно памяти,
Здесь влюбляются только вслепую.

Здесь забыты морали, приличия,

Вся правда – в чате приватном.
Здесь на каждом шагу безразличие —
Убедить не пытайся в обратном.

Здесь вечный сквозняк и холодно,
Все каноны твои вверх тормашками —
На теле гигантского города
Мы кажемся просто мурашками.

Как всегда – ты снова без голоса,
И совсем уже стало привычным —
Стоять в ожидании автобуса
На ветру меж высоток столичных.

Надо ли

Убрать все скобки, удалить кавычки,
Жизнь уместить всего лишь в две строки,
Проехать зайцем в полуночной электричке,
Запомнить теплоту твоей руки.

Забыть совсем обратный путь до дома,
Париж увидеть, чтобы умереть,
Запить сигару тремястами рома,
Кота на месяц дома запереть.

Курсивом прописать вчерашний вечер,
Закинуть в стирку паспорт и ключи,
Забыть о запланированной встрече
И договор кредитный заключить.

Прощупать пульс на безымянном пальце,
Вдыхать в минуту только восемь раз,
И перестать быть просто постояльцем —
Уйти в утиль, на склад или в запас.

Стереть все номера в контактах,
Снять дверь входную со своей петли,
Всегда пытаться быть на низком старте...
Все это можно, только НАДО ЛИ?

АбонентНЕабонент

Ну! Давай же, просто растопчи,
Просто выбрось в урну, вытри ноги.
Ты найдешь, пожалуй, тысячу причин,
Чтоб не выдавать своей тревоги.

Ты, наверно, и сама себе не раз
Признавалась – иногда бывает страшно;
Сквозь поток фальшивых сотен фраз
Ты для всех всегда во всем прекрасна.

Ну же! Выложи всю правду! Все как есть —
Выпусти скелет из шкафа, пусть подышит.
Сунь подальше свою приторную лесть,
Говори на чистоту. Никто не слышит.

Щелкни тумблер или, может, кран включи,
Сдерни шторы, вскрой замки, откройся.
Хочешь плакать – плач, кричать – кричи,
Страшно в первый раз, но ты не бойся.

Сложно быть заложником сетей,
Ото всех скрывать эмоции и жесты,
В мире жить, где большинство людей —
Это просто отредактированные тексты.

Ну же! Выбрось в урну, растопчи,
Как об половую тряпку вытри ноги!
Для себя мы сами – палачи...
Жить во лжи сегодня – участь многих.

Для храбрости

На краю огромного города,
Чуть поодаль от здешних мест
Не чокаясь. Часто без повода
Пьем, пока не надоест.

Пьем за здоровье, пьем для памяти,
Пьем просто за что-нибудь;
За столами пьем и на паперти,
Пьем захлеб и по чуть-чуть.

От грусти пьем, от страдания,
Пьем вместе за радость побед;
Пьем даже на первых свиданиях,
И для аппетита – в обед.

Мы нервам «спешим на подмогу» —
Выпиваем для храбрости тоже.
...и спиваемся все понемногу
...и ничто уже не поможет.

Нам с вами плевать на цены,
И на все новостные сводки.
В нашей стране нетленны —
Алкаш и рюмочка водки.

На краю огромного города,
Чуть поодаль от здешних мест
Выпиваем спасаясь от холода —
На себе ставя жирный крест.

Бжезинка

Кипит работа за забором лагерей,
Дымит труба всепоглощающей печи.
Истошный крик из-за захлопнутых дверей
И черные от гари кирпичи.

Мы въехали в «Ворота смерти» в октябре.
И шансы выйти были сведены к нулю.
Был начат заново отсчет в календаре —
Кого, когда и как теперь убьют.

Повсюду лай собак и ненависть в глазах,
И тошнотворный запах от немой толпы.
Теперь на нас лишь униформа в полосах
И впавшие глаза, лишённые мольбы.

Мой номер восемь тысяч триста двадцать пять.
Я в списке. Нет ни рода, ни семьи.
И звуки выстрелов в толпу. Опять! Опять! Опять!
Мы как игрушки для ээсовской свиньи.

Забыл еще ребенком то, чему учила мать,
И стерлось все, чему отец учил.
Теперь одно во мне – не отставать, шагать,
Поскольку выстрелами подгоняют со всех сил.

За каждым шагом – неуёмной силы боль,
За каждым поворотом – липнет смерть.
На коже номер, как единственный пароль,
Без выхода. И остается лишь терпеть.

На Маршах смерти кто-то потерял семью,
Оставил сына, дочь, друзей или родных.
Паскуды Гитлера, я на могилы вам плюю!
За всех, кто не стоит сейчас в рядах живых.

За крики жарких, «очистительных» печей,
За миллионы съеденных болезнью тел,
Плюю вам в ноги, кучка жалких палачей!
За всех кто выжить в годы те «посмел».

И пусть вам, сволочи, не спится никогда,
И пухом ни за что земля не будет! Пусть!
И знайте, вы теперь «воспеты» навсегда,
«Геройства» ваши выучены наизусть.

Но я назло всей вашей скотской суе
Счастливым случаем остался дальше жить.
Я пережил всех вас, и вынес на хребте,
Теперь не вы, а я буду свою судьбу вершить.

Я вышел за ворота. За спиною «Аушвиц-2».
Боюсь закрыть глаза, чтоб счастье не спугнуть.
И пусть война для нас, для всех, останется в словах.
Останемся людьми. Хотя б чуть-чуть.

Сиренивова

Я каждый день смотрю в твои глаза,
И каждый раз боюсь поймать себя на мысли,
Что не успею вдруг чего-то рассказать
Или слова внезапно в воздухе зависнут.

Я каждый день держу твою – в своей руке,
Теряется значение всего. Бесповоротно.
От сумасшествия вишу на тонком волоске,
И, кажется, сорвусь вполне охотно.

Ловлю я каждый шорох, шепот, вздох,
И каждое движение ненароком.
Ты шепчешь что-то – я уже оглох.
Дотронешься – ударит, к черту, током.

Я провожаю тебя взглядом каждый день,
Боясь, что не увижу завтра снова.
Вдали грохочет гром, цветет сирень,
И я все тот же глупый мальчик Вова.

И каждый раз стою и жду твои глаза,
И каждый раз ловлю себя на мысли —
Мне нужно тебе что-то рассказать.
Вот только есть ли в этом смысл?

Город-сплин

Я брожу по сонному Питеру,
По задворкам холодной Невы,
В вязаном старом свитере,
Не боясь потерять головы.

На краю у Дворцовой площади,
Ранним утром, пока тишина,
Еле слышно прошу я: «Господи!
Поскорей бы уже весна».

У ворот Петропавловской крепости,
Под ворчанье старушки невы
Пару стопок для пущей смелости,
Не боясь потерять головы.

Мы бродили ночами по Питеру,
И в метель, и в жару, и в дожди.
С одним на двоих свитером
И сердцем большим в груди.

Мы уверены были в будущем,
Ты из Питера, я – из Москвы,
Мы любили под звуки бушующей,
Часто ворчливой Невы.

И теперь я брожу по Питеру,
Роюсь в памяти наших мест,
Мы подобны Венере с Юпитером,
Далеко. Нужно ставить крест.

Глубоко. На задворках сознания,
Под ворчанье старушки Невы
Я вспоминаю признания,
Что тебе не сказал. Увы.

Пару стопок для пущей смелости,
До вылета пару часов,
Я клянусь тебе в вечной верности,
Обещаю вернуться еще.

Пролетариат

Все звери отныне (а точнее, с сентября)
Согласно Указу лесного Царя
Обязаны сдать по шестнадцать рублей
На новый коттедж для Царя всех зверей.

Житель лесной не понял расклада:

– Зачем на коттедж? Да кому это надо?!

– Потихе, потихе! Благие же цели!

– Да как же благие?! Мы месяц не ели!

– Да скоро за снег будут требовать деньги!

И катится вниз весь царский рейтинг.

– Мы зиму в берлоге обязаны спать,

А Царю подавайте печь и кровать?

– Так не пойдет! – решили всем стадом.

– От такого Царя избавиться б надо!

Импичмент! И свергнуть беспрекословно!

Нынче ведь жечь революции модно.

Решились! Собрали народное вече.

Явкой высокой сбор был обеспечен.

Пришли. Все молчат. Слово взял Волк:

– Че делать с ним будем?

И смолк.

Посыпались версии слева и справа,
Кто – за войну, кто – за отраву.
– Да будьте ж, людьми, хоть вы и не люди,
– Мы звери, давайте зверями и будем.

А зверь, как мы знаем, дикий народ
Решили Царя утром на эшафот.
Долго судачили: как приведут?
Смогут ли? Смогут. Найдут ли? Найдут.

Утро. Над лесом проснулось светило.
Лесного Царя шумом вдруг разбудило:
– Выходи же, ворюга! Глаза покажи,
Перед народом слово держи!

Чего это вдруг коттедж нужен стал?
Ты, что, заболел? Или просто устал?
– Так от конторы ниче ж не осталось, —
Царь начал давить на народную жалость.

– А ничего, что скоро зима?
И нам бы самим пополнять закрома,
А не в казну деньжата нести!
– Хорошо! Понижаю до десяти!

Часть толпы от счастья чуть обомлела

Но для приличия уйти не посмело.

– Хоть десять, хоть пять! Хоть пару монет!

Ни того, ни другого давно уже нет.

– Обещаю: что после окончания стройки

В округе лесной проведу «перестройку».

Устроим «хрущёвскую оттепель», люди

И демократию чествовать будем.

На Рождество, чтоб жилось веселей

Я каждому выдам по пять тыщ рублей.

Будем строить в кредит новые норы,

В судах разрешать все сложные споры.

А вообще, создадим-ка один документ,

Чтоб не Царь теперь был, а Президент.

И выберем вместе Президента зверей

(Но помните все про пять тыщ рублей).

Толпа ошастливилась! Надо же, диво!

Все так идеально и, вроде, красиво!

– Ладно. Живи. Проверим попозже!

Не получится? Что ж, храни тебя, Боже!

Все звери отныне (а точнее, с сентября)
Каждый месяц сдают по четыре рубля,
Царь жив, его свита тоже здорова.
Что значит сила лестного слова.

Аккорды

Мои последние в твой адрес сыграны аккорды,
И в твою честь написаны последние стихи,
Нет, ты не думай, я совсем не гордый,
Да и твои духи не так плохи.

Мне не забыть твоих нечастых писем,
Запавших в душу еще в самый первый раз,
Элементарно всё – я безнадежно стал зависим
От нежных рук твоих, бездонных синих глаз.

И не могу понять, когда вдруг надломилось?
Казалось бы, как есть – любовь до гроба.
Исчезло так же резко, как родилось,
Кто виноват: я, ты, а может, оба?

Мне нравились прогулки до рассвета,
Игривый смех, когда в твоей руке бокал вина,
Ты для меня была, как муза для поэта,
Без штампа, но уже почти жена.

Мне нравилось с тобою чувство «несвободы»...

Но нанести пора финальные штрихи —
Мои последние в твой адрес сыграны аккорды,
Написаны последние стихи.

Драже

Оставь меня здесь.
Просто. Одну.
Оставь хотя б на чуть-чуть.
Ни к чему твоя лесть —
Скребется по дну,
И просто давит на грудь.
Оставь меня здесь.
Я решила уже
Всё забыть и начать с нуля.
У тебя еще есть
Пару сладких драже,
Но тебя уже нет у меня.

Размокли бока

Тонет кораблик бумажный
Под детский и звонкий смех.
Куда доплывет – неважно,
В приключениях не важен успех.

Размокла совсем бумага,
Правый бок от воды пострадал...
На углу возле универмага
Он совсем из виду пропал.

Не отойдя и полшага,
По дороге из школы домой.
Прямо около универмага
Быстро сложили другой.

И я, как кораблик бумажный,
Плыву и ловлю волну,
Не боясь того, что однажды
Так же, как он, потону.

Пятистопный ямб

Прощай! Любить тебя не так легко,
Как может показаться поначалу —
Вблизи огня быть белым мотыльком,
Которому от крыльев толку мало.
Вокруг тебя летать с последних сил,
Забыв про честь, желанья и упреки,
Остервенело плод гнилой вкусить,
Отдав тебе все жизненные соки.
Прощай! Любить тебя не так легко.
Я спрячу чувства в сердце глубоко,
Боясь когда-нибудь их разбудить.
Начав обратный от пяти отсчет,
Себя я постараюсь убедить,
Что жизнь моя не кончилась еще.

Сонет итальянский

Не вы ль прекрасная девица с бала?
Не вас ли в красках обсуждает свита?
Не в вас ли после первого бокала
Булгаковская спряла Маргарита?
Я помню вас одну и в центре зала
И дам придворных едкий взгляд, сердитый —
Мужей женатых вмиг околдовала,
И моё сердце навсегда разбито...
Найдись скорей, прекрасное создание!
Ты в жены мне годишься! Чую кожей!
В лицо я выскажу тебе признанья!
Я вас люблю! А сердце ждать не может.
Томительно душевное лобзанье
И только день за днем сильнее гложет...

Вам!

Вам, жадно глотающим слухи бульварные,
Подтирающим задницы обрывком газет!
Всем вам, человечье отродье бездарное,
Мир превратившим в армейский клозет.

Не вы ли, всем городом, вслух, на убой,
Да под стопочку домашнего самогона,
В подливке измазанной верхней губой
Вдохновенно читаете Цицерона?

Уж точно не вам, стая невротиков,
Читать мои книги и цитировать в залах?
Не мыслящим жизнь без сильных наркотиков,
И не открывающим рот без бокала?

Вам ли, слюнявя, считая купюры,
Готовым расстаться за деньги с ближними,
Рассуждать о ценности литературы
И гордо зваться червями книжными?

Мало держаться за руки с книгами,
Мало выучить наизусть Онегина,
Чтоб словами потом плевать избитыми
И молиться за здоровье Ленина.

И чтобы не зваться эпохой уродов,
Годных только для спирта распития,
Читайте книги не только для моды,
А для общего саморазвития.

Автоматически

понедельник, проснулся довольно рано.
без будильника. на автомате.
инстинктивно оказался в ванной,
в привычном для себя «помятом» формате.

умылся быстро.
в зеркало не смотрел.
быстро поел.

город шумел
в привычной для него одного частоте.
люди торопятся, не обращают внимания.
в такой родной городской тесноте
«к выходу готовьтесь заранее»
метро всасывает очередную дозу
из людей, холодного воздуха и пыли,
не боясь острого токсикоза,
лишних на то не тратит усилий.
все идут на обед по команде.
все в общем для всех плену.
я проснулся рано. на автомате.
на автомате, пожалуй, усну.

В сети

мне врачи открыли страшную тайну:
страшнее, чем календарь сумасшедших Майя.
и от вас я тоже скрывать не стану —
у меня синдром нехватки вай-фая.

сильные боли от слабых сигналов,
тахикардия, плохой аппетит.
температура резко упала.
тело ушло на поиск сети.

«абонент не доступен» – собрали консилиум,
единогласны УЗИ и рентген.
лечение доступно для граждан России:
нужны чемодан и открытый шенген.

у всех поголовно такие симптомы.
не поможет даже сидеть взаперти.
я теперь тоже болен. будем знакомы.
Артемий. до скорой встречи в сети.

Морнинг

Боже, ну что там? Опять это утро!?
снова а-ля весеннее настроение?
снова этот поток супермодных курток
и лиц, не вышедших из оцепенения.

снова пешком две остановки,
снова коллеги, вопросы о важном,
потом снова обед из микроволновки
и снова конвейер работы бумажной.

снова звонки, разговоры и встречи,
снова мышкой щелчки ежеминутно,
снова пробка на Ленина, так каждый вечер...
Боже, ну что там? Когда уже утро?

Увольнение рифмы

Зашла, не церемонясь, без стука,
Громко шмякнула об стол бумагой:
– С Вами тут смертная скука!
Увольняйте! Буду бродягой!

Подберёт кто-нибудь на дороге,
Дружить с Рифмами нынче в моде.
А то так и умру недотрогой
В этом вашем светском бомонде.

Рождена я быть знойной дамой,
Литься песней, сдружиться с Музой,
Что в итоге? Эта Муза упряма,
И в углу лежит мертвым грузом.

Что-то, батенька, в вашей шараге
Совсем плохи дела с талантами...
Вы лучше не тратьте бумагу,
«Не кормите людей консервантами»

Я уйду. Мой ответ окончательный.
Из себя не стройте распятого.
За знакомство очень признательна.
Я к Ане пошла. К Ахматовой.

На Арбате

Мы встретились днем, на старом Арбате, я помню дорогу,
покрытую льдом.

Ты по традиции, вся при параде; я, как обычно, в старом
пальто.

Я и не думал, что мы так похожи, что видим, даже когда
темно;

Что перемены чувствуем кожей и не торопимся лечь
на дно;

Что с каждой секундой становимся ближе, и в шторм
превращается полный штиль,

Что поцелуи всё ниже и ниже, и уже никак не погасишь
фитиль.

Что под брэнчание старой гитары мы добавляем
последний штрих.

Я люблю ром, ты – просто сигары и не слушаешь глупые
мысли других.

Я и не думал, что мы так похожи, я не заметил, когда ты
ушла.

Просто почувствовал – где-то под кожей стало немного
меньше тепла.

Я и не думал, и не пытался. Просто запрыгнул в людской поток.

Был на Арбате, там и остался, как обычно, в старом-старом пальто.

Кость широкая

Что делать с медведем, застрявшим в берлоге?
Подождать, пока похудеет чуть-чуть?
Ни тело не лезет, ни косяпаые ноги,
Ни внутрь не сдвинуть, ни наружу толкнуть.

Мы тоже за зиму жирок нарастили,
«Непролазными» стали, как этот медведь.
На широкие кости всё время грешили,
Пора и правде в глаза посмотреть.

Скоро лето, а кости по-прежнему те же —
И уменьшаться никак не хотят,
В зале бывают всё реже и реже,
И на диване вразвалку сидят.

Кость виновата! Вот вам итоги —
Не позволяет и шага шагнуть.
Как толстый медведь, мы застряли в берлоге —
Ни внутрь не сдвинуть, ни наружу толкнуть.

Написанное в пробке

Я люблю этот город, каждый его тупик,
Каждую улочку, кольца и перекрестки.
Я люблю его. Может, просто уже привык.
И старую часть, и ту, где еще наброски.

Пустые ночные улицы, людный бульвар,
Электрички и вечно спешащих прохожих,
Где много держащихся за руки пар,
Собак и хозяев, внешне обычно похожих.

Люблю бабок, в метро раздающих газеты,
Люблю, даже если в пробке сажу в час-пик,
Просто молча закуривая сигарету.
...Я люблю этот город, каждый его тупик.

Оправдание

Я бы прожил лет пять в районах Кёльна
Или на высоте в горах Кавказа,
Я бы тату набил, чтоб было больно
На всей груди. И во всю спину сразу.

Я б засыпал под звук часов со Спасской башни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.